

АНТИЧНЫЙ СЛЕД В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВИЗАНТИИ*

Т.В. КУЩ

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

e-mail: tkushch@yandex.ru

Проблема античного наследия в культуре Византии рассматривается на примере изучения интеллектуальной жизни времени палеологовского Возрождения (XIV-XV вв.). Византийские интеллектуалы подражали античности как на содержательном (в контексте литературного творчества), так и на формальном уровнях (в образе их жизни). Античный след присутствовал в форме интеллектуального общения и в системе образно-эстетических и этических представлений византийских писателей.

Ключевые слова: Поздняя Византия, античные традиции, палеологовское Возрождение, интеллектуальная жизнь.

В XIV-XV вв. западноевропейские гуманисты с восторгом и удивлением открывали для себя сокровища античной культуры, исключенной на многие столетия из интеллектуального арсенала средневековых ученых или почти не различимой в их творчестве под христианскими напластованиями. Их же византийские собратья подобного неофитского восторга перед Античностью не разделяли, потому что она всегда оставалась для них повседневным культурным фоном литературного и научного творчества.

Византия, в отличие от Запада, никогда не порывала с классическим наследием в силу своих прочных генетических связей с античной цивилизацией. Несмотря на постоянное присутствие античного компонента в византийской культуре, в некоторые периоды «византийского тысячелетия» наблюдалось более интенсивное обращение византийцев к классическому наследию, что позволило историкам говорить о византийских ренессансах¹. Но эти всплески интереса к античности (особенно в XIV – первой половине XV в. – время так называемого палеологовского Возрождения) означали лишь активизацию усилий в разработке предшествующей культурной традиции, а не новое ее открытие и переосмысление, как в итальянском Ренессансе².

Проблема античного наследия в культурной жизни Византии может быть рассмотрена на примере изучения гуманистических тенденций, проявившихся в интеллектуальной среде периода палеологовского Возрождения. Этот период византийской истории наиболее отдален во времени от классической эпохи, что позволяет оценить интенсивность «излучения» античной традиции даже на закате Византийской империи.

Ученое сообщество в Византии находилось в сильной зависимости от классической образовательной системы. Все, что могло охватить *ἐγκύκλιος παιδεία* – грамматика, стилистический анализ, введение в математическую и астрономическую терминологию, имело исходным пунктом классику и, конечном итоге, ориентировалось на нее³. Классическое наследие являлось той отправной точкой, с которой начи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0578).

¹ Ševčenko I. *Renaissances before the Renaissance. Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages*. California, 1984. P. 170.

² И. Шевченко заметил, что «византийцы были слишком хорошо знакомы с античностью, чтобы реагировать на нее так же сильно, как это делали на Западе», и под понятием Палеологовский Ренессанс он предлагал понимать в первую очередь «интенсификацию контактов элиты с античностью»: Ševčenko I. *Théodore Métochites, Chora et les courants intellectuels de l'époque / Art et société a Byzance sous les Paléologues*. Venise, 1971. P. 19.

³ Beck H. G. *Das byzantinische Jahrtausend*. München, 1994. S. 123.

налось обучение, тем источником, из которого черпались мудрость и знания, и той планкой, которой стремился достичь каждый образованный византиец.

Подражание античности в среде византийских интеллектуалов проявлялось как на содержательном (в контексте литературного творчества), так и на формальном уровне, находя свое воплощение в образе жизни, принятом в кругу образованной элиты. По сути, все формы общения, которые получили распространение среди ученых, своими корнями уходили в классическую древность.

Одной из таких форм интеллектуального общения были ученые кружки – «театры» (τὰ θεάτρα), собиравшие образованную аудиторию для обсуждения научных вопросов, знакомства с новыми литературными и риторическими творениями коллег, обмена мнениями и открытой дискуссии⁴. Византийский интеллектуал XIV в. Димитрий Кидонис, упоминая о литературном салоне, который собирал вокруг себя его друг, сравнил этот кружок с платоновской академией: «Подобно Платону ты подобрал себе подходящую аудиторию для литературных докладов»⁵. «Театр», пронизанный духом Эллады, был своего рода имитацией, подражанием, игрой в античность. Игровой элемент придавал интеллектуальным кружкам гуманистическую окраску⁶. По сообщению Кидониса, к участию в собрании нередко привлекались певцы и музыканты, сопровождавшие выступления ораторов музыкой и пением⁷. Проведение «театра» сознательно было ориентировано на придание ученому собранию внешней привлекательности, демонстрируя приверженность античному принципу καλοκάγαθία, и воспринималось участниками как эстетическое действие, а не только как место интеллектуального диалога.

В другой распространенной среди интеллектуалов форме общения – в переписке – также нашел отражение опыт предшествующей эпохи. Устойчивые эпистолярные связи между образованными людьми в палеологовское время скрепляли корпоративное единство и свидетельствовали о принадлежности человека к ученому миру. Хотя письмо воспринималось как особый вид искусства, ἡ τέχνη, где царили свои каноны и правила⁸, тем не менее, оно было окутано аурой человеческого тепла. Главной же темой византийских эпистолярных сочинений всегда оставалась дружба (ἡ φιλία)⁹ античной чеканки, поэтому переписка между византийскими интеллектуалами относилась к известному с античных времен типу «дружеского письма»¹⁰. Письма – «этот знак дружбы»¹¹ – сокращали расстояния, разделяющие друзей, и восполняли недостаток личного общения. Выражаясь словами Мануила Калеки, «стремящиеся друг к другу из дружбы встречаются с помощью писем»¹².

⁴ Медведев И.П. Литературные «салоны» в поздней Византии // *Литература и искусство в системе культуры*. М., 1988. С. 53–59; Куц Т.В. Византийский θεάτρον конца XIV–XV вв.: некоторые наблюдения // *АДСВ*. Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 323–329; Hunger H. *Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts* // XIV Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest, 1971. S. 94; Matschke K.-P. *Die spätbyzantinische Öffentlichkeit // Mentalität und Gesellschaft im Mittelalter. Beitrag zur Mentalitätsgeschichte. Gedenken für E. Werner*. Ed. S. Tanz. Frankfurt-am-Main, 1993. Bd. 2. S. 169–170.

⁵ Démétrius Cydonès. *Correspondance* / Publ. par R.-J. Loenertz. *Studi e testi*, 186, 208. Città del Vaticano, 1956. Vol. I; 1960. Vol. II. Ep. 78. 18.

⁶ Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 23.

⁷ Démétrius Cydonès. *Correspondance* (II). Ep. 262. 82–83.

⁸ Karlsson G. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Textes du X-e siècle analysés et commentés*. Uppsala, 1962; Thraede K. *Grundzüge griechisch-römischer Brieftopik*. München, 1970.

⁹ Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 1. S. 222; Treu K. *Φιλία und ἀγάπη. Zur Terminologie der Freundschaft bei Basilios und Gregor von Nazianz* // *Studi Classice*. 1961. Vol. 3. S. 428–431.

¹⁰ Sykutris J. *Epistolographie* / *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* // Eds. G. Wissowa and W. Kroll. Stuttgart, 1931. Supplbd V. S. 219–220.

¹¹ Démétrius Cydonès. *Correspondance* (I). Ep. 85. 8.

¹² *Correspondance de Manuel Calekas* / Publ. R. Loenertz. Vaticano, 1950. Ep. 24. 6–7.

Для византийской образованности в целом было характерно особое, интеллектуально окрашенное отношение к дружбе, получившее в литературе название «ученая дружба»¹³, которая также имела античный ген.

Безусловно, следование античным образцам можно наблюдать и в других проявлениях византийской интеллектуальности. Научные диспуты, обмен сочинениями, отношения между учителем и учеником несли на себе отпечаток «ученой дружбы». Однако античный след присутствовал не только в сфере интеллектуального общения, но проявился и в системе образно-эстетических и этических представлений.

В своей творческой деятельности византийский интеллектуал равнялся на древних авторов, в которых видел высших судей в вопросах философской мудрости, литературного мастерства и риторического изящества. Византийский интеллектуал рубежа XIV–XV вв. Иоанн Хортасмен полагался не на оценку современников, которые, по его убеждению, подвержены бесчисленным предрассудкам, а на мнение великих предшественников: «Я не допускаю суда тех, кто такого же возраста как я сам, кто полон подозрения; надеясь на неподкупных судей, я придерживаюсь древних учителей, с которыми соглашаются многие из людей»¹⁴. Византийский император Мануил II Палеолог, которого современники считали «философом на троне», в письме, адресованном митрополиту Фессалоники Гавриилу, подчеркивал, что для писателя ориентирами должны служить античные образцы, однако достичь блеска и изысканности классической литературы его современникам не суждено: «Пишущие должны всеми силами стремиться к равнению на тех, кто в искусстве достиг совершенства и принимать их за образец, но они также должны четко сознавать, что не достигают подобного уровня, и не должны стыдиться, что те мужи превосходят их, а также не следует считать невыносимым то, что их собственные труды далеки от трудов Демосфена, Фукидида и им подобных. Ибо достижения мужей прошлого выше понимания нынешних. Конечно, если вы поместите труды древних рядом с современными, вы будете сравнивать “золото с бронзой”. Ибо настолько уступают наши сочинения, что никто из живущих не исторг бы и слова, если бы необходимо было писать, как эти ученики Гермеса и Муз, или не писать совсем. Потому что просто невозможно говорить так, как могли эти люди»¹⁵.

Ориентация на авторитет классиков и культ классического греческого языка, далекого от общеупотребительного койне, позволяли интеллектуалам осознавать свою избранность и элитарность. Ученые заведомо предпочитали говорить на аттическом языке, стремились архаизировать речь и избегать употребления разговорных фраз¹⁶. В этом кругу стыдились разговаривать и писать на живом обиходном языке, поскольку это был удел не владеющей риторикой черни, на которую высокомерно взирали интеллектуалы. Дихотомия между высокой литературой и реальностью была, по выражению К. Манго, ярко выраженной чертой византийской культуры¹⁷. Византийская «верхушечная» литература, оторванная от реальной народной среды, опиралась на отчужденные в древности традиции, следствием чего были речевые архаизмы. О стилизации под эллинский язык с тщательностью заботились и Исидор

¹³ Любарский Я.Н. Михаил Пселл: личность и творчество. М., 1978. С. 118; Tinnefeld F. «Freundschaft» in Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 153.

¹⁴ Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften / Publ. H. Hunger. Wien, 1969. Ep. 40. 25–28.

¹⁵ The letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977. Ep. 52. 19–29.

¹⁶ Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz // Österreichische Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Kl. Sitzungsberichte. Wien, 1972. Bd. 277. Abh. 3. S. 24.

¹⁷ Mango C. Byzantine Literature as a Distorting Mirror // Mango C. Byzantium and its Image. Variorum. London, 1984. P. 17.

Киевский, и Лаоник Халкокондил, и Критовул¹⁸. Писателю приходилось следить за языком и стилем своего сочинения, чтобы не быть уличенным в необразованности.

Византийские писатели извинялись за разговорный тон своего сочинения, поскольку это не соответствовало принятому в их кругу правилу говорить в духе великих классиков, не опускаясь до языка толпы¹⁹. Димитрий Кидонис в письме к молодому другу Тарханиоту заметил, что старался писать, как Платон, чтобы не бояться быть высмеянным²⁰. Византийский император Мануил II Палеолог, при дворе которого существовал интеллектуальный кружок, в ответном письме другу, жившему на Кипре и приславшему риторически безупречное послание, заметил, что тот «стал фокусником, заставив даже Кипр говорить с нами на аттическом»²¹. В другом письме он точно описал результат подобной стилистической имитации: «В аудитории был человек, не знавший автора письма и его цель. Оно поразило его столь сильно, что он был почти готов поверить, что оно не могло быть плодом нашей нынешней литературной бедности, ибо он вспоминал некоторых из древних, чьи имена сохранились после смерти благодаря их произведениям»²².

В рамках литературных штудий сложилась теория подражания (ή μιμησις) классическим авторам²³. Традиция подражания риторическим приемам и стилистическим оборотам на долгое время закрепилась в византийской литературе в качестве повседневной практики²⁴. Античность проникала в византийские тексты через реминисценции и парафразы из классиков, с именами мифических и реальных исторических героев. Мифологический пример стал, по выражению Г. Хунгера, избитым элементом византийской риторической литературы²⁵.

Желание византийских авторов возродить эллинистический дух выразилось, например, в употреблении антикизирующих названий стран и народов. Это не означало, что они плохо знали имена тех, кто окружал византийскую ойкумену. Однако литература, ориентированная на классические образцы, должна была быть выше сиюминутной реальности. Как и их предшественники²⁶, писатели конца XIV–XV вв. чаще использовали древние эквиваленты для современных им названий. Пространственно-географические наименования приобретали античное звучание. Поэтому Кидонис называл жителей столицы Βυζαντίοι, а население Фессалоники Μακεδόνες²⁷. Мануил Калека вместо Франции употреблял ее древнее название Γαλλία²⁸. Исидор Киевский предпочитал говорить не об Англии, а περὶ τὰς Βρεττανικὰς²⁹. Мануил II Палеолог именовал турок персами³⁰. По сути, в пространственно-временном измерении византийские писатели ощущали (или хотели ощущать) себя живущими в иной, уже несуществующей реальности.

¹⁸ Ziegler A.W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe Isidors von Kijev // BZ. 1951. Bd. 44. S. 571; Веселаго Е.Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. 1957. Т. 12. С. 212; Удальцова З.В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула // ВВ. 1957. Т. 12. С. 193–194.

¹⁹ Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik. S. 24.

²⁰ Démétrius Cydonès. Correspondance (I). Ep. 78.

²¹ The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 32. 9.

²² Ibid. Ep. 34.10–14.

²³ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur. S. 67.

²⁴ Hunger H. On the Imitation (μιμησις) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23/24. P. 18.

²⁵ Ibid. P. 25.

²⁶ К примеру, Георгий Пахимер сознательно заменял современные ему географические и этнические названия их древнегреческими наименованиями и использовал античный календарь: Arnakis G.G. George Pachymeres – a Byzantine Humanist // GOTHR. 1966–1967. Vol. 12. № 2. P. 164.

²⁷ Démétrius Cydonès. Correspondance (II). Ep. 177. 35–36.

²⁸ Correspondance de Manuel Calecas. Ep. 59. 14.

²⁹ Ziegler A.W. Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe Isidors von Kijev // OCP. 1952. Bd. 18. S. 139. Ep. 5.61 r.

³⁰ The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 14. 27; 44. 23.

Византийские гуманисты не скрывали своего страстного желания оказаться в ином времени, обнаружить себя в окружении великих философов древности, приблизиться к их ученым беседам, пропитаться атмосферой прошлой эпохи. В качестве иллюстрации приведем один фрагмент из письма Димитрия Кидониса Мануилу II Палеологу. Узнав о попытке императора получить рукопись Платона, хранящуюся на Афоне, Кидонис пришел в небывалое воодушевление, предвкушая скорую возможность познакомиться с древним текстом: «Я полагал в нем увидеть давно ушедшего Платона, узнать, как он жил, двигался и говорил, я почти держал его в своих руках, приветствовал его, расспрашивал его об Академии и Стое, занимаются ли молодые люди в Афинах геометрией или другой областью философии; и вообще старался бы не упустить ни одного вопроса, касавшегося жизни там»³¹. В этом иллюзорном общении к своим предшественникам также проявляется стремление к мимесису, посредством которого византийский интеллигент мог ощутить свою сопричастность к идеализируемой античной культуре.

Ни один из авторов поздней Византии не мог обойтись без использования античных элементов культуры. Не столько многочисленность древних цитат и реминисценций, сколько глубинное проникновение в смысл древних текстов и образов отразило гуманистические тенденции в поздневизантийской интеллектуальной жизни. Особенно ярко влияние античности на поздневизантийскую литературу проявилось на уровне использования образов и метафор из классического семиотического ряда. Античные топосы традиционно украшали византийские тексты. Некоторые из них оказались особенно распространенными в XIV–XV вв. в силу созвучности темам, которые беспокоили интеллектуальный мир. Образы зимы, бурного моря и корабля, так хорошо знакомые античной литературе, вновь ожили на страницах сочинений, помогая придать эмоциональную глубину повествованию.

Составляющие античного семиотического ряда употребляются взвешенно, к месту, не только ради любования, но и для большей образности высказанной мысли³². И если дается сравнение с Демосфеном или Цицероном, то можно представить, насколько человек по силе воздействия словом подобен древнегреческим ораторам. Образ Пифагора также нес на себе определенную смысловую нагрузку, и высказывание - «ты сделаешь нас из болтунов пифагорами»³³ – воспринималась как угроза молчания, напоминая об обете, данном философом. Актуальными в литературном творчестве поздневизантийских авторов оставались ссылки на известные мифологические сюжеты и античные пословицы.

Наряду с образами, имевших мифологические или исторические коннотации, византийские литераторы рекрутировали из античного наследия и более существенные концепты, как например, идею изменчивой судьбы (ἡ τύχη). Античные категории переменчивой судьбы и предопределения, которые постоянно проскальзывали в сочинениях авторов палеологовского времени, составляли суть мировоззренческих установок византийцев.

И. Шевченко заметил, что знания многих византийцев этого времени были поверхностны, и в их «эрудиции было больше блеска, чем глубины»³⁴, поэтому частые ссылки на имена великих классиков, по его мнению, не всегда означали непосредственное знакомство с их сочинениями. Не соглашаясь с этим утверждением, заметим, что многие писатели имели хорошую образовательную подготовку, поэтому с легкостью оперировали цитатами и литературными реминисценциями из произведений своих не только греческих, но и латинских предшественников. Так, например, в сочинении Мануила Хрисолоры «Сравнение древнего и нового Рима» можно найти

³¹ Démétrius Cydonès. Correspondance (II). Ep.276. 5–10.

³² Попова Т.В. Византийская эпистолография // Византийская литература / Под ред. С.С. Аверинцева. М., 1974. С. 230.

³³ Démétrius Cydonès. Correspondance (II). Ep. 175. 14.

³⁴ Ševčenko I. Society and Intellectual Life in Late Byzantium. London, 1981. P. 26.

довольно прозрачные намеки на Иоанна Хрисостома и Пиндара, явные параллели с сочинениями плэта VI в. Павла Силенциария³⁵, почти дословные цитаты из Синезия³⁶ и Либания³⁷. Он показывает свое знание античной истории и исторической географии, называя имена римских императоров (Цезарь, Веспасиан, Нерон, Диоклетиан)³⁸ или вспоминая крупнейшие города древности (Мемфис, Карфаген, Вавилон)³⁹. Византийский интеллектual даже в условиях угасания некогда блистательной империи мог гордиться своей образовательной подготовкой, не уступавшей по уровню и глубине той, к которой приобщались его предшественники.

В целом, многие проявления интеллектуальной жизни несли на себе отпечаток традиции, поскольку интеллектуальная среда существовала в рамках системы координат, во многом заданной античной парадигмой, которая служила культурным маяком для этого круга. Ученая среда признавала и поощряла любые компиляции и реминисценции из древних авторов, имитацию их стиля и заимствование образной системы. Дух Эллады был близок мироощущению образованного византийца, поскольку мир интеллектуалов дышал особым воздухом, настоящим на античном эфире, и черпал вдохновение из классических источников, подпитывавших византийских писателей идеями, выразительными средствами и образцами. Византийская культура и в период своего последнего подъема могла позволить себе «фамильярничать» с греческим наследием и ассимилироваться с ним⁴⁰.

THE ANTIQUE TRACE IN THE INTELLECTUAL LIFE OF BYZANTIUM

T.V. KUSHCH

*Ural Federal University,
Ekaterinburg*

e-mail: tkushch@yandex.ru

The problem of an antique heritage in the culture of Byzantium is considered on an example of studying of intellectual life in period of the Palaiologan Renaissance (XIV-XV centuries). The Byzantine intellectuals imitated antiquity both at substantial (in a context of their literary work) and formal level (in their mode of life). The antique trace was present at forms of an intellectual communication and in the system of figurative, aesthetic and ethical representations of Byzantine writers.

Key words: Late Byzantium, ancient traditions, Palaeologan Renaissance, intellectual life.

³⁵ Homeyer H. Zur Synkrisis des Manuel Chrysoloras, einem Vergleich zwischen Rom und Konstantinopel. Ein Beitrag zum italienischen Frühhumanismus // *Klio*. 1980. Vol. 62/2. S. 527.

³⁶ Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Paris, T. 156. Col. 56.

³⁷ *Ibid.* Col. 24.

³⁸ *Ibid.* Col. 29–32.

³⁹ *Ibid.* Col. 25.

⁴⁰ Tatakis B. *La philosophie byzantine*. Paris, 1949. P. 229–230.